

К ОЦЕНКЕ КАНТОВА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Хорошо известный факт истории культуры: оригинальная философская концепция получает в процессе своего исторического развития различные, зачастую противоположные, интерпретации. Учение Канта об органической целесообразности не составляет исключения из этого правила. И если самому Канту удастся корректно решить проблему целесообразности в пределах собственной философской системы, с выходом за рамки кантовского критицизма данное решение становится проблематичным и открываются дороги для разнообразных методологических подходов.

В настоящей статье ставится задача проанализировать взгляды великого мыслителя на целесообразность живой природы в связи с разрешением им антиномии телеологического и нетелеологического¹. Мы попытаемся также очертить круг возможных решений данной проблемы и проанализировать некоторые современные альтернативы кантовской концепции.

Правильно представить позицию Канта можно, только учитывая, что философ был одним из наиболее ярких представителей «Просвещения» и одновременно мыслителем, превзошедшим «век Просвещения». Громадный умственный сдвиг, происшедший на рубеже XVII и XVIII веков, заключался в радикальном изменении картины мира. На место полумифологических и поэтических представлений пришло понимание природы как гигантского механизма со сложной системой пружин и балансиров, управляемых законами классической механики. Успехи естествознания и прежде всего развитие экспериментального и индуктивного методов послужили основой гносеологическому оптимизму: задача усматривалась в открытии посредством разума единых для всей природы законов и тем самым в окончательном объяснении всего сущего.

Интеллектуальное завоевание физического мира осуществлялось столь успешно, что цель, казалось, была близка. Предстояло распространить механические представления на область органической природы и социальной жизни, завершив программу Просвещения.

Еще до просветителей Декарт пытался применить принципы физики для объяснения живого мира. Он установил, что «душа» органических существ не в состоянии произвести движение какого-либо органа, если он поврежден. Отсюда Декарт сделал вывод, что, аналогично тому, как у часов нет души, однако они

показывают время, так и движение организма зависит лишь от строения его органов. Это позволило ему ввести в научный обиход идею рефлекса (термин появился позже, уже в XVIII веке, у Аструка Монпелье).

Насколько привлекательны были эти идеи, свидетельствуют многочисленные попытки построения механических моделей целесообразного поведения животных и человека, которые возникли не только под пером философа, но получали материализацию в конструкторской деятельности. Можно напомнить, например, о знаменитых автоматах Жака де Вокансона. Его «герцог» мог не только двигаться, но и глотать раскрошенную пищу, а затем, «переработав» ее, возвращать в виде «выделений». Последнее обстоятельство рассматривалось многими современниками Вокансона как решение сложной физиологической проблемы и доказательство возможности механического воспроизведения жизни. В действительности, конечно, «герцог» не обладал способностью к пищеварению и представлял собой продукт намеренной мистификации. Аналогия машины и организма была, разумеется, не нова; у Аристотеля встречаются развернутые сравнения раба с одушевленным орудием, действия мускулов и костей уподобляются им катапульте. Но между взглядами древних и воззрениями механицистов имелось и глубокое различие. «В древней машине источником энергии была мускульная работа человека или животного: таким образом можно понять, почему аналогия между организмом и машиной не могла касаться принципиальной проблемы — то есть источника активности»². Когда же такой вопрос был поставлен, обнаружилась принципиальная значимость самой проблемы.

Кант с первых же своих работ докритического периода становится на точку зрения современного ему естествознания. «Наклонная плоскость Галилея, отвес Гюйгенса, ртутная трубка Торичелли, воздушный насос Отто Герике и стеклянная призма Ньютона дали нам ключ к раскрытию великих тайн природы» (2, 104). В классической механике мы находим тот универсальный метод, который в естествознании уже «превратил произвол физических гипотез в надежный способ исследования, опирающийся на опыт и геометрию» (2, 245). Он отвергает наивное антропоморфное представление о целесообразности природы, когда целью последней считают человека, для пользы которого якобы и служит весь остальной мир. Суждения о том, что испарения воздуха выпадают в виде снега, дождя, града для выгоды людей, Кант относит к произвольным рассуждениям. Реальное объяснение должно основываться на знании закономерностей.

Критика Кантом внешней целесообразности не ограничивается разбором отдельных примеров и противопоставлением телеологии причинного понимания природы. Он стремится показать принципиальную ошибку, которая обнаруживается в такого рода понимании мира и состоит в том, что предположение о назначе-

нии каждой конкретной вещи для выполнения какой-либо особой функции неизбежно ставит вопрос и о цели самой природы. И в соответствии с логикой рассуждения эту цель следует искать за пределами природы, т. е. оказывается, что мы возвращаемся к идее существования некоей потусторонней силы, которая, очевидно, является и целью, и творцом природы. Естественно, что такое предположение противоречило научной картине мира XVIII века, и Кант сам приложил немало усилий во «Всеобщей естественной истории и теории неба», чтобы устранить тот «тангенциальный толчок» Ньютона, который оставался религиозным довеском к его физике.

Но если из материи, обладающей силой притяжения и силой отталкивания, возможно создать космос, то как из той же материи получается гусеница? Соразмерность, гармоничность живого невыводима из механических законов, и Кант убежден, что никогда не появится Ньютон, который сделал бы понятным появление хотя бы одной травинки по естественным законам и без цели. «Органическое тело не есть только механизм, обладающий *движущей* силой, оно обладает и *формирующей* силой..., которую нельзя объяснить одной лишь способностью движения (механизмом)» (5, 399—400).

В органическом мире мы сталкиваемся с явлениями, не укладывающимися в схему линейной каузальности. В самом деле, видовые признаки сохраняются в ряду поколений, дерево всегда порождает дерево одной и той же породы. Далее, замечает Кант, живые существа перерабатывают окружающую природу, превращая ее в свое собственное тело. Наконец, развитие их пропорционально, так что части организмов целесообразны и сообразуются с развитием целого. Целесообразность есть, вообще, такое свойство живого, которое позволяет выделить органическое тело из всех других природных образований и на его основе определить организм как тело, «каждая часть которого находится внутри некоего целого ради другой части; здесь дефиниция отчетливо содержит указание на *цели* (causae finales)» (6, 595).

Однако понимание той же личинки и как продукта механизма, и одновременно как результата целенаправленной деятельности невозможно, потому что «один способ объяснения исключает другой» (5, 442). Таким образом, возникает антиномия, ибо 1) всякое возникновение в материальном мире следует рассматривать как возможное только по механическим законам и 2) органические тела нельзя рассматривать как возможные лишь по механическим законам, поскольку суждение о них нуждается в привлечении конечных причин (5, 413).

Интересно, что механизм развертывания исходного противоречия в «Критике способности суждения» идентичен с концептуальной моделью «Критики чистого разума». В самом деле, в последней наличествует юмовская идея о том, что всеобщность

и необходимость нашего знания не может быть выведена из неполного и конечного человеческого опыта. Но в науке содержится знание (математическое), которому присущи указанные атрибуты. Таким образом, имеется некоторый общее утверждение и вместе с тем налицо противоречий ему факт. Осознание этого является исходным в конституировании всей гносеологической концепции Канта.

В учении о живой природе, об органической целесообразности применяется тот же методологический прием: формулируется положение об универсальности действия механических законов и обнаруживается факт существования немеханических по своей природе явлений в виде организмов.

Следует полагать, что и механизм разрешения этой антиномичности будет аналогичным соответствующему ходу мысли в первой «Критике». Действительно, говорить о живом существе как о цели природы можно, с точки зрения Канта, только *разумно* мысля, в то время как наш *рассудок* исключительно дискурсивен и способен познавать предмет лишь в понятиях и не в состоянии созерцать его как ноумен. То знание, которое мы имеем, получается в результате соединения наших представлений с понятиями. Можно наблюдать, как освещается и нагревается камень. Но чтобы объединить нагревание и освещение в опытное суждение, необходимо воспользоваться категорией причины: камень нагревается потому, что он освещается солнцем.

Рассудок отождествляется Кантом с тем тезаурусом, который включает классическую физику и содержит «вечные и неизменные» истины механики. Ясно, что он исключает всякое употребление терминов «цель», «польза», «целесообразность», так что нельзя утверждать, будто «вещи природы служат друг другу средством [достижения] целей и что сама их возможность становится достаточно понятной только через этот вид каузальности, — для этого мы в общей идее природы как совокупности предметов [внешних] чувств не имеем никакого основания» (5, 383).

Фундаментальным принципом человеческого рассудка, по Канту, является его способность мыслить целое как составное из частей. Конечно, можно было бы предположить существование и такого рассудка, который не был бы дискурсивен и шел бы от созерцания целого к особенному, как частям. Поскольку же мы им не обладаем, необходимо разделить разные способности нашего сознания, а именно, определяющую и рефлектирующую способности суждения, из смешения которых и возникают противоречия. Определяющая способность суждения означает такую интеллектуальную операцию, когда особенное подводится под заранее данное рассудком общее. С рефлектирующей способностью мы имеем дело тогда, когда особенное уже дано и ставится задача найти общее. Вот здесь и необходимо

применение целесообразности в качестве регулятивного принципа, поскольку, хотя рассудок не дает единства, «разум, устанавливая связь между частными законами природы, требует тем не менее единства, стало быть, закономерности (а закономерность случайного называется целесообразностью)» (5, 383).

Итак, принцип целесообразности не может определять познавательный процесс, он не является конститутивным принципом выведения, не претендует на то, чтобы объяснять. Целесообразность будет лишь «регулятивным понятием для рефлектирующей способности суждения дабы по отдаленной аналогии с нашей целевой каузальностью вообще направлять исследование такого рода предметов... не ради познания природы..., а ради той самой практической способности разума в нас, при помощи которой мы рассматриваем в аналогии причину указанной целесообразности» (5, 401).

Следует иметь в виду, что, по Канту, познание может касаться лишь сферы феноменального, но вещь сама по себе остается за сферой человеческого опыта, остается буквально вещью «в себе». К тому же Кант считает целесообразность особым принципом рассмотрения только живой природы. Отсюда — резкая граница, разделяющая рефлектирующую и определяющую способности суждения. И телеологическое и механическое объяснение совпали бы, если бы нашему познанию были доступны сверхчувственные объекты, а резкого разделения царств природы Кант не проводил бы. Поскольку речь идет о явлениях неорганической природы, остается довольствоваться механическим познанием и мыслить целесообразность, применяя такой «угол зрения» только в отношении к живой природе. Но «...каким образом природа (по своим частным законам) составляет по нему как принципу систему для нас, которую можно было бы признать возможной и по принципу возникновения из физических причин, и по принципу конечных причин, — этого никоим образом нельзя объяснить...» (5, 443).

Интересным в кантовском решении проблемы целесообразности является, конечно, не его агностицизм, который необходимо элиминировать, как удаляют выпавший в осадок продукт химической реакции для того, чтобы она протекала дальше. Обращает на себя внимание новизна подхода Канта, заключающегося в «разведении» противоречащих друг другу положений по различным способностям человеческого сознания.

Рефлексивная телеология Канта представляет собой один из возможных типов применения принципа целесообразности. Но отнюдь не единственный. Помимо рефлексивной телеологии, как показала М. Грин, существует 1) дескриптивное, 2) операциональное, 3) регулятивное, 4) объяснительное и 6) онтологическое применение принципа целесообразности³. Дескриптивная телеология возникает тогда, когда конкретное явление опи-

сывается как на нетелеологическом, так и на телеологическом языке. Так, сердцебиение можно представить и с помощью механических моделей и сформулировать целевое описание: «Сердце бьется для того, чтобы циркулировала кровь». Операциональная телеология допускает применение целевых характеристик только в качестве инструментария познания, который вместе с другими вспомогательными условными обозначениями должен быть стерт с чертежа мира. Регулятивная телеология акцентирует внимание на возможности использования понятия цели в исследовательских интересах. К примеру, результат любого процесса можно представить как его цель и построить модель данного процесса, как если бы он был процессом целеосуществления. Эвристичность этой стратагемы заключается в возможности нахождения, например, промежуточных этапов развертывания данного процесса. Несколько иной вид принимает телеология на уровне объяснения: предполагается, что описание явлений не должно включать целевых характеристик, тогда как содержательное объяснение становится возможным лишь при введении «цели». Наконец, телеология в онтологическом плане означает признание присутствия целенаправленности в природной действительности.

Нетрудно заметить, что рефлексивную, регулятивную, дескриптивную, операциональную и объяснительную телеологию объединяет то, что они отрицают (или, по крайней мере, не предполагают) реальной детерминации в виде цели и сводят целесообразность к языковым конструктам. Поэтому для того чтобы классификация применения принципа целесообразности была более выдержанной логически и четче гносеологически, следует, очевидно, выделить два основных направления: утверждающее объективный статус целенаправленности и отрицающее его. Такое разделение присутствует у А. А. Любищева, выделяющего: 1) ателию, или отрицание ведущей роли принципа целесообразности, 2) еутелию, или признание реальных целеполагающих факторов, а также 3) псевдотелию, стоящую на точке зрения, что целеустремленность эпифеноменальна, и 4) эврителию, сохраняющую за телеологией эвристическое значение⁴.

Но следует обратить внимание, что псевдотелия и эврителия возникают в результате дистинктивного деления ателического направления. Действительно, они исходят из того, что в реальности не существует целевой детерминации, но расходятся по вопросу о возможности использования телеологии в познании, т. е. одинаково исключая ее из картины мира, представляют альтернативу в гносеологии. Поэтому имеется основание рассматривать их как разновидности ателии: псевдотелия — последовательная ателия в онтологии и теории познания, эврителия — ателия в онтологии с сохранением целевого метода в качестве условного приема познания.

Еутелия, очевидно, не может предполагать, что описание (и объяснение) объективно существующей целенаправленности должно быть нетелеологическим. По этой причине еутелические направления целесообразно разделить по иному основанию, а именно — учитывая характер целевых отношений в природе. Ведь основной вопрос будет тогда сводиться к тому, является ли целеполагающим фактором сама целеустремленная система или она управляется извне. Соответственно будем иметь имманентную и трансцендентную еутелию.

Суммируя, представим нашу классификацию более наглядно:

С появлением и развитием в XX веке кибернетики и общей теории систем псевдотелия и трансцендентная еутелия постепенно утратили свои позиции. Сейчас уже мало кто представляет себе организм в виде телефонного коммутатора, в котором вместо переключения проводов происходит переключение условных рефлексов. Основная полемика, главное расхождение в настоящее время идет по вопросу об объективности целенаправленности. В. Г. Афанасьев, М. Г. Макаров, Б. С. Украинцев являются наиболее известными представителями имманентной еутелии, настаивающей на признании специфической целевой детерминации в живых системах, отличающей их от объектов неорганического мира. Они отстаивают правомерность «применения категории цели или конечной причины для обозначения определенных отношений в объективной действительности»⁵.

Иную позицию занимают И. Т. Фролов, В. Н. Свинцицкий, И. П. Абаплова. С их точки зрения, «кибернетика не привносит понятие цели в науку о живых системах»⁶, а цель означает здесь «не более как эвристический прием конструктивизации и идеализации действительности»⁷.

Может ли эврителия действительно быть эвристичной? Если под целевым приемом понимают специфический познавательный метод, который носит условный характер и состоит в исследовании, осуществляемом в направлении от некоторого конечного (завершенного) состояния биологической системы к начальному (исходному) ее состоянию, то никакого «целевого» приема познания эврителия не дает, но речь идет, разумеется, об обычном функциональном анализе. Понятие функциональной зависимости не может быть отождествлено с целевой детерминацией.

Своеобразным признанием этого является утверждение сторонников эврителии об ограниченности области применения «целевого приема», поскольку он выступает методом биологического познания, хотя контрадикторное объяснение универсально, поскольку в любом процессе, в том числе и в неорганическом,

можно выделить относительно конечную и относительно начальную фазы и вести его изучение в порядке, обратном хронологии событий.

Наконец, авторы, разделяющие эврителическую концепцию, прямо ссылаются на Канта, утверждая, что он впервые заложил основы «целевого» приема как регулятивного принципа познания. Но мы видели, что кантовское решение проблемы целесообразности неуязвимо только в рамках его категориальной системы, поскольку объекты рефлектирующей и определяющей способности суждения различны. Если организм как явление природы разум может мыслить целесообразным, то дискурсивное познание всегда будет опираться на законы классической механики. Перенесение же принципов и понятий критицизма в иную концептуальную систему, в которой не существует абсолютной грани, разделяющей мир на ноуменальный и феноменальный, неизбежно приводит к эклектике.

«Такая конструктивная спецификация, — говорит В. Н. Свинцицкий, имея в виду целевой прием познания, — только в том случае становится оправданной как определенный прием познания, если понятие цели управления получает опытное обоснование и, следовательно, утратит смысл некой *принципиально ненаблюдаемой* мистической сущности»⁸. Понятие цели нашло свою конкретно научную интерпретацию в современной биологии, стало ключевым в понятийной системе новейшей физиологии, без онтологического допущения которого не имеет смысла и сама современная физиология⁹.

Таким образом, плодотворными в учении Канта оказались идеи о внутренней целенаправленности органических существ, получившие всестороннюю разработку в имманентной еутелии, эвристичность которой заключается в том, что ее методологические принципы представляют собой своего рода аналог, слепок реального развития объекта биологического познания.

---

¹ Взгляды Канта критического периода на целесообразность живого концептуально представлены в «Критике способности суждения», которая и кладется в основу нашего анализа. Следует, однако, заметить, что кантовская телеология — не просто часть его философской системы, но она сыграла важную роль в становлении диалектики (см.: Калинин Л. А. Телеологический метод Канта и диалектика. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 3. Калининград, 1978) и поэтому имеет в его концепции методологическое значение.

² Mirko D. Grmek. A Survey of the Mechanical Interpretations of Life from the Greek Atomists to the Followers of Descartes. — In «Biology, History and Natural Philosophy». N.-Y.—L., 1972, p. 182.

³ Green M. The Understanding of Nature. Essays in the Philosophy of Biology. Dordrecht—Boston, 1974, p. 174.

⁴ Любичев А. А. Философские проблемы эволюционного учения. — В кн.: Философские проблемы эволюционной теории. М., 1971, с. 45.

⁵ Макаров М. Г. Проблема направленного развития и телеология. — В кн.: Теоретические вопросы прогрессивного развития живой природы и техники. Л., 1970, с. 77.

⁶ Фролов И. Т. Принципы органического детерминизма, целевой подход в биологическом исследовании. — В кн.: Философия и современная биология. М., 1973. с. 149.

⁷ Свинцицкий В. Н. Проблема органической целесообразности в свете биокбернетики. Дис. на соиск. учен. степени д-ра филос. наук. Львов, 1970, с. 279.

⁸ Там же, с. 63—64.

⁹ Корнилов С. В. Проблема детерминации органического целого. — «Вестник Моск. ун-та. Сер. Философия», 1978, № 2.